

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РОДИТЕЛЬСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У МУЖЧИН-ОТЦОВ И МУЖЧИН, НЕ ИМЕЮЩИХ ДЕТЕЙ

БОРИСЕНКО Ю.В.

*Кемеровский государственный университет (ФГБОУ ВО «КемГУ»),
г. Кемерово, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5218-2841>, e-mail: evseenkova@mail.ru*

В статье представлен анализ процесса становления родительской идентичности у мужчин (на материале сравнительного анализа групп мужчин-отцов и мужчин, не имеющих детей). На фоне растущей многофакторности влияний современного общества и многозадачности современного человека крайне важным является выявление процессов идентичности личности, позволяющих человеку найти свое место в мире. В условиях разнообразных трансформаций родительских функций актуальной становится задача изучения процессов становления родительской идентичности, позволяющей эффективно выполнять родительские роли. Анализ полученных данных осуществлялся с применением методов подсчета описательных характеристик, сравнения выборок по t-критерию Стьюдента и корреляционный анализ. В исследовании приняли участие 97 мужчин (60% без детей, 40% отцов) в возрасте от 17 до 44 лет ($M = 26,44$; $SD = 11,14$). Использовались следующие методики: «Опросник родительской идентичности» Дж. Плека (ОРИ), «Тест статусов и структуры эго-идентичности» Е.Л. Солдатовой, «Шкала измерения процессов идентичности» (DIDS), «Шкала определения стадии идентичности» (ISRI), «Утрехтская шкала исследования процессов родительской идентичности» (U-MICS-PI) в модификации К. Пиотровски, «Тест смысложизненных ориентаций» (СЖО) Д.А. Леонтьева. Результаты нашего исследования показали, что родительская идентичность мужчины формируется еще до рождения ребенка и до взаимодействия с ним. Она взаимосвязана с множеством параметров личностной идентичности, включая такие процессы идентичности, как принятие и идентификация с обязательствами и все процессы поиска идентичности. Существует взаимосвязь между родительской идентичностью и таким процессам, как принятие обязательств и поиск идентичности личности.

Ключевые слова: идентичность, родительская идентичность мужчины, ранняя взрослость, средняя взрослость, процессы идентичности.

Благодарности. Автор благодарит всех испытуемых, принявших участие в исследовании.

Для цитаты: Борисенко Ю.В. Процессуальные характеристики родительской идентичности у мужчин-отцов и мужчин, не имеющих детей // Экспериментальная психология. 2023. Том 16. № 1. С. 136—151. DOI: <https://doi.org/10.17759/expsy.2023160108>

PARENTAL IDENTITY PROCESSES AMONG MEN IN EARLY AND MIDDLE ADULTHOOD

JULIA V. BORISENKO

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5218-2841>, e-mail: evseenkova@mail.ru

In the paper we present the analysis of the processes of parental identity among men without children and fathers. In the background of the growing multifactorial influences of modern society and the multi-tasking of modern man, it is extremely important to identify the processes of personal identity that allow a person to find his or her place in the world. Various transformations of parenting bring actuality to the studies of parental identity processes, which may help in effective performing in parental roles. We studied the specifics of parental identity processes among men. We used descriptive characteristics, Student's t-test, and correlation analysis. The study involved 97 men (60% without children, 40% of fathers) aged 17 to 44 years ($M = 26,44$; $SD = 11,14$). We used Caregiving and Breadwinning Identity and Reflected Appraisal Inventory (J. Pleck and colleagues), test of statuses and structure of ego-identity (E.L. Soldatova), Dimensions of Identity Development Scale (DIDS) (K. Luyckx and colleagues), Identity Stage Resolution Index (ISRI) (J.E. Cote), the Utrecht scale for studying identity processes-Parent identity (U-MICS-PI) (modification by K. Piotrowski) and test of life-meaningful orientations (D.A. Leontiev). Parental identity in men is formed even before the birth of a child and before interacting with him or her. Parental identity is interrelated with identity processes, such as: commitment making, and all exploration processes. There is a significant relationship between parental identity and processes such as commitment and exploration.

Keywords: identity, male parental identity, early adulthood, middle adulthood, identity processes.

Acknowledgements. The author expresses her gratitude to all participants of the research.

For citation: Borisenko J.V. Parental Identity Processes among Men in Early and Middle Adulthood. *Экспериментальная психология = Experimental Psychology (Russia)*, 2023. Vol. 16, no. 1, pp. 136–151. DOI: <https://doi.org/10.17759/exppsy.2023160108> (In Russ.).

Введение

Согласно J. Côté [9], современное постмодернистское общество западной культуры отличает ориентация на потребление, являющаяся не только основой функционирования экономических систем, но и способом формирования личностью собственной социальной идентичности. Такого рода состояние общественного запроса является причиной возникновения неопределенности социальных ориентиров и чувства незащищенности, которые, в свою очередь, усиливают у молодых людей ориентацию на мнение окружающих. Быстрая смена укладов жизни, когда взрослые не могут обеспечить своих детей моделями поведения, успешными в новых условиях [14], а, значит, утрачивают возможность существенно влияния на становление идентичности молодого поколения, снижение значимости наследственных социальных позиций в постиндустриальных обществах приводят к тому, что молодому человеку приходится самому строить траекторию своей жизни, самостоятельно отвечая за собственное развитие, в том числе и поиск своей идентичности [7; 10]. И если проблемы выбора образовательной траектории, профессии и профессиональной идентичности привлекают внимание исследователей очень давно, то вопросы, связанные с личным

счастьем человека, его супружеской и родительской идентичностью как ориентирами жизненного пути личности, остаются малоисследованными. В этой связи особый интерес представляет изучение родительской идентичности мужчины как наименее изученной проблемы в области исследований личностной идентичности.

Начиная с работ Э. Эриксона [12], идентичность личности рассматривается как развивающаяся на протяжении всей жизни. В соответствии с нормативными задачами развития и принципами взаимодействия с окружающей средой происходит постоянная трансформация личности человека. Дж. Марсия, определив направления исследований идентичности на многие годы вперед, выделил в качестве основных факторов протекания процессов идентичности такие процессы, как *принятие обязательств* и *поиск идентичности*. Основное положение о развитии идентичности как постоянной психосоциальной задаче, процессуально-динамическом феномене определяет взгляды даже тех авторов, кто акцентирует внимание на классификации типов идентичности или ее результатах. Например, в модели J. Côté описываются два вида идентичности: личностная идентичность взрослого и его социальная идентичность. Оба эти параметра рассматриваются Côté [9] как показатели и последствия использования ресурсов, которые индивид осваивает в процессе вступления во взрослую жизнь. Ресурсы идентичности могут быть материальными (непосредственно наблюдаемыми), например, социальный статус или принадлежность к различным социальным группам (скауты, члены спортивной команды или ассоциация, сотрудники компании). Согласно J. Côté [9], такого рода ресурсы можно рассматривать как своеобразную «базу» вступления в естественные социальные и институциональные сообщества. Выделяются также нематериальные ресурсы, например, самоуважение, самоэффективность, принятые в различных сферах обязательства идентичности, locus контроля, позволяющие активно справляться с препятствиями, а также распознавать и использовать преимущества возможностей, возникающих на пути к зрелости [27]. Эти ресурсы, по J. Côté, составляют так называемый капитал идентичности и способствуют интеграции личности в сообщество взрослых людей.

В рамках модели формирования идентичности M. Berzonsky [6] осуществляется анализ различий в социально-когнитивных процессах, используемых индивидами для конструирования, поддержания и/или реконструкции своего чувства идентичности, а также выделяются четыре типа идентичности (на основании выводов Дж. Марсии [17]): прокрастинирующий, диффузно избегающий стиль [6; 11]; открытый, информационный стиль [17; 27]; конформный [19], нормативный стиль [16; 26].

Особое значение психологи придают таким факторам, как наличие собственных целей и их понимание субъектом, рассматривая эти факторы в качестве основных при идентификации субъекта с принимаемыми на себя обязательствами (A. Waterman [29]). A. Waterman определяет личностную экспрессивность (индекс соответствия личностных обязательств) как вовлеченность в самоидентифицирующиеся действия и обязательства, которые опираются на фундаментальные жизненные цели человека. Таким образом, под личностной экспрессивностью понимается степень, в которой чувство идентичности человека соответствует его уникальному потенциалу. Она же может определять внутреннюю мотивацию [29] и вовлеченность в деятельность. Когда рассматриваемые и принятые на себя альтернативы согласуются с потенциальными возможностями человека [15], принятие обязательств может представлять собой путь к самопознанию [25].

Значение процессов идентичности особенно важно в понимании процессуально-динамических характеристик родительской идентичности [13]. После того, как человек выполнил поиск «вширь», изучил различные варианты родительского поведения или способов родитель-

ства и/или супружества, например, в ходе прочтения литературы или в беседе с другими людьми, он может выбрать конкретное поведение — например, приняв решение о планировании рождения ребенка, выбрав определенную концепцию воспитания, приняв решение сохранить беременность, или решение о нежелании иметь детей и пр. (принятие обязательств) [23]. Тот факт, что он или она принимают такое обязательство, не означает, что процесс идентификации завершен. Вероятно, субъект будет продолжать собирать информацию (глубокий поиск) и анализировать ее для оценки сделанного выбора. Сбор информации об этом конкретном выборе может привести к растущему убеждению в том, что выбранный вариант является правильным (идентификация с этим вариантом будет усиливаться) или, наоборот, что выбранный вариант не является правильным (идентификация с этим вариантом ослабеет). Если человек решит, что этот вариант поведения не является правильным, то поиск «вширь» может возобновиться и поиск различных альтернатив может начаться снова. Таким образом, специфика процессов идентичности состоит в их тесной взаимосвязи и непрерывном взаимодействии в конкретной социальной ситуации [24]. То есть достижение идентичности можно охарактеризовать как чередование поиска и переоценки [16]. Взаимодействие глубинного поиска и идентификации с обязательствами характеризуется взаимонаправленностью и взаимовлиянием. Большая свобода означает большую ответственность личности по отношению к собственной жизни, своей семье и детям, что создает большую нагрузку на процессы поиска идентичности. В этой связи представляет интерес исследование процессов родительской идентичности личности. Каковы проявления процессов поиска и обязательств в сфере родительства? Определяются ли они наличием детей и только ли наличием детей? Насколько различаются процессы идентичности у мужчин до рождения ребенка и мужчин-отцов. Таким образом, цель и новизна данного исследования заключается в изучении особенностей родительской идентичности мужчин, определении различий в родительской идентичности мужчин-отцов и мужчин, не имеющих детей, во взаимосвязи с процессуальными характеристиками идентичности личности.

Гипотезы исследования.

1. Процессы идентичности личности взаимосвязаны с параметрами родительской идентичности.
2. Процессы, характеризующие достигнутую идентичность, такие как принятие обязательств и идентификация с обязательствами, как в личностной так и в родительской идентичности более выражены у мужчин-отцов по сравнению с мужчинами без детей того же возраста.

Метод

Выборка исследования. Выборка включала в себя 97 человек — жителей России (из них — 60% мужчин без детей и 40% отцов), возраст — от 17 до 44 лет ($M = 26,44$; $SD = 11,14$). Средний возраст мужчин без детей — 24,11, мужчин-отцов — 29,08. Все испытуемые — жители Кемеровской области. Участие в исследовании происходило на основе добровольного мотивированного согласия испытуемых.

Схема проведения исследования. Респонденты заполняли опросники для измерения вариантов и процессов идентичности.

Методы исследования. Для сбора данных использовались следующие личностные опросники:

1. «Опросник родительской идентичности» Дж. Плека (*Caregiving and Breadwinning Reflected Appraisal Inventory (ОРИ)*) [20]. Предназначен для определения особенностей

идентичности индивида с точки зрения воспитательно-ухаживающей и провайдерской позиции родителя.

2. «Тест статусов и структуры эго-идентичности» Е.Л. Солдатовой (СЭИ-тест) [5].

Процессуальный аспект идентичности изучался с помощью следующих методик.

3. «Шкала измерения процессов идентичности» (DIDS) [3; 16], созданная коллективом авторов под руководством К. Луцкx, включавшим известнейших современных исследователей идентичности: S.J. Schwartz, M.D. Berzonsky, B. Soenens и их коллег M. Vansteenkiste, I. Smits и L. Goossens. Методика состоит из 25 утверждений, из которых первые пять характеризуют процесс принятия обязательств, утверждения 6–10 характеризуют «поиск вширь», 11–15 — описывают навязчивый поиск, 16–20 — идентификацию с обязательствами и 21–25 — глубокий поиск. Таким образом, осуществляется оценка всех пяти процессов идентичности, известных на сегодняшний день.

4. «Шкала определения стадии идентичности» (ISRI) [1; 8]. Имеет 2 подшкалы: идентичность взрослого и социальная идентичность. Результаты методики оцениваются по суммарному баллу всех ответов. При этом, согласно Дж. Коте, при 18–24 баллах индивид характеризуется наличием достигнутой идентичности, при 13–17 баллах — предрешенной идентичности, при 7–12 баллах можно говорить о моратории идентичности и при 0–6 баллах присутствует диффузная идентичность.

5. «Шкала определения стадии родительской идентичности» [1] представляет собой модификацию предыдущей методики (ISRI) и применяется в исследованиях родительской идентичности.

6. «Утрехтская шкала исследования процессов родительской идентичности» (U-MICS-PI) (модификация К. Пиотровски [2; 20]). Методика направлена на изучение процессов родительской идентичности и включает 3 шкалы: 1) характеристика процесса принятия обязательств, 2) глубокий поиск и 3) пересмотр обязательств. Испытуемому необходимо выбрать ответ из предложенных вариантов: «совершенно неверно», «неверно», «в чем-то верно / в чем-то неверно», «верно», «совершенно верно».

7. В качестве вспомогательной методики использовался «Тест смысложизненных ориентаций» (СЖО) Д.А. Леонтьева для изучения осмысленности выбора, в том числе обязательств идентичности.

Результаты

Анализ уровневых характеристик выборки, состоявшей из 97 человек в возрасте ранней и средней взрослости, показал, что наибольшей дисперсией характеризуются данные, полученные по шкале осмысленности жизни (СЖО), наименьшей дисперсией характеризуются показатели по шкале оценки провайдерской родительской идентичности (ОРИ). Данные закономерности характерны как для всей выборки в целом, так и для выборок, разделенных по наличию детей.

Результаты анализа различий между показателями группы отцов и группы мужчин, не имеющих детей, по t-критерию Стьюдента представлены на рис. 1. При этом все параметры, кроме навязчивого поиска, характеризуются большими значениями в группе отцов. Так, у мужчин-отцов более выражены такие процессы идентичности, как принятие обязательств, идентификация с обязательствами, а также воспитательно-ухаживающая родительская идентичность, чувство взрослости, чувство зрелости, цели в жизни, локус контроля — жизнь, кроме того, выше показатели оценки уважения со стороны окружающих.

Таким образом, подтверждается выдвинутое нами предположение о том, что отцовство связано со зрелостью и осмысленностью жизни.

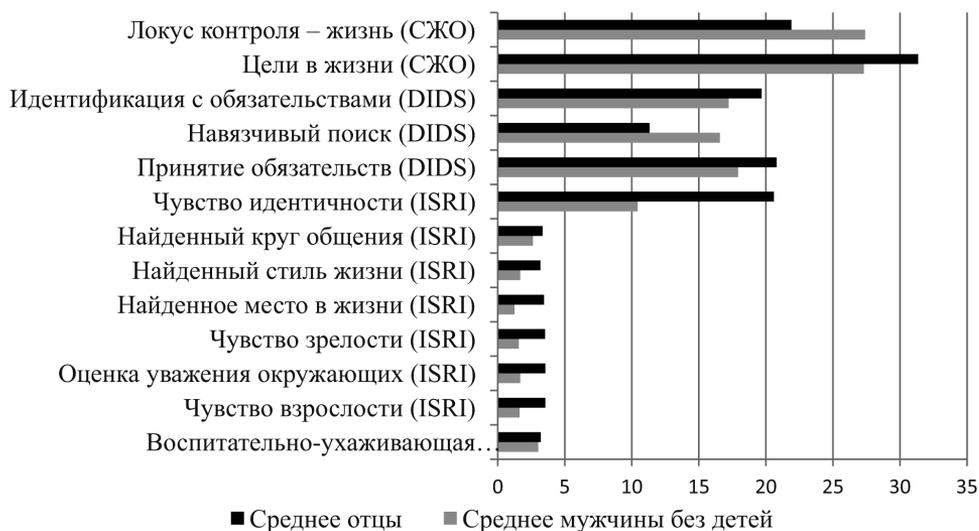

Рис. 1. Значимые различия между группами отцов и мужчин, не имеющих детей, по t-критерию Стьюдента

Кроме того, с помощью корреляционного анализа, по Пирсону, была проведена сравнительная оценка взаимосвязи параметров родительской идентичности в группе отцов и в группе мужчин, не имеющих детей.

Результаты оценки взаимосвязи различных параметров родительской идентичности мужчин представлены в табл. 1. Большинство взаимосвязей — положительные. Отрицательная взаимосвязь обнаруживается между такими параметрами, как воспитательно-ухаживающая родительская идентичность и возраст, т. е. чем старше мужчина, тем чаще он предоставляет жене заботу о ребенке. Также отрицательной взаимосвязью характеризуются провайдерская родительская идентичность и чувство зрелости, что объясняется озабоченностью молодых мужчин собственной способностью финансово обеспечить ребенка.

Таблица 1

Взаимосвязь параметров родительской идентичности мужчин без детей

Взаимосвязанные параметры		Коэффициент корреляции при $p \leq 0,05$
Воспитательно-ухаживающая родительская идентичность	Возраст	-0,38
	Отцовские установки (ШОУ)	0,42
Провайдерская родительская идентичность	Отношение к детям	0,34
	Чувство зрелости	-0,34
	Поиск вширь (DIDS)	0,33
	Отцовские установки (ШОУ)	0,30
	Предрешенная идентичность (СЭИ)	0,36

Взаимосвязанные параметры		Коэффициент корреляции при $p \leq 0,05$
Отношение к детям	<i>Отношения с отцом</i>	0,35
	<i>Планирование детей в будущем</i>	0,47
	<i>Провайдерская РИ</i>	0,34
	<i>Принятие обязательств (DIDS)</i>	0,40
	<i>Отцовские установки (ШОУ)</i>	0,42
	<i>Цели в жизни (СЖО)</i>	0,34
	<i>Процесс жизни (СЖО)</i>	0,39
	<i>Результативность жизни (СЖО)</i>	0,38
	<i>Локус контроля – Я (СЖО)</i>	0,52
	<i>Локус контроля – жизнь (СЖО)</i>	0,41
	<i>Осмысленность жизни (СЖО)</i>	0,46

Обратимся к анализу параметров процесса поиска. «Поиск вширь» у молодых мужчин прямо взаимосвязан с такими факторами идентичности, как провайдерская родительская идентичность (дискуссионный вопрос для современной молодежи), достигнутая идентичность и отцовские установки, и характеризуется отрицательной взаимосвязью с чувством зрелости, найденным стилем жизни, чувством идентичности (табл. 2).

Такой фактор, как «глубокий поиск» положительно взаимосвязан только с отношениями с отцом. При этом он отрицательно связан с параметрами: достигнутая идентичность, отношения с матерью, чувство идентичности, найденный стиль жизни и возраст.

Параметр «навязчивый поиск» находится в положительной взаимосвязи лишь с одним параметром идентичности, а именно, с диффузной идентичностью (СЭИ). Таким образом, все параметры поиска характерны для состояний недостигнутой идентичности, например, для диффузной идентичности.

Таблица 2

**Взаимосвязь поиска с различными параметрами у мужчин,
не имеющих детей**

Взаимосвязанные параметры		Коэффициент корреляции при $p \leq 0,05$
Поиск вширь	Провайдерская родительская идентичность	0,33
	Достигнутая идентичность (СЭИ)	0,39
	Отцовские установки (ШОУ)	0,42
	Чувство зрелости	-0,35
	Найденный стиль жизни	-0,40
	Чувство идентичности (ISRI)	-0,35
Глубокий поиск	Отношения с отцом	0,25
	Достигнутая идентичность (СЭИ)	-0,33
	Отношения с матерью	-0,34
	Чувство идентичности (ISRI)	-0,35
	Найденный стиль жизни	-0,36
	Возраст	-0,40

В свою очередь, процессы принятия обязательств и идентификации с обязательствами имеют взаимосвязи схожей значимости и знака с большим количеством параметров (табл. 3).

Таблица 3

**Взаимосвязь принятия обязательств с различными параметрами
у мужчин, не имеющих детей**

Взаимосвязанные параметры	Коэффициент корреляции при $p \leq 0,05$	
	Принятие обязательств	Идентификация с обязательствами
Планирование детей в будущем	0,41	0,44
Найденный круг общения	0,52	0,42
Достигнутая идентичность (СЭИ)	0,37	0,36
Диффузная идентичность (СЭИ)	-0,41	-0,51
Цели в жизни (СЖО)	0,58	0,51
Процесс жизни (СЖО)	0,52	0,59
Результативность жизни (СЖО)	0,45	0,41
Локус контроля – Я (СЖО)	0,66	0,73
Локус контроля – жизнь (СЖО)	0,42	0,43
Осмысленность жизни (СЖО)	0,59	0,57
Отношения с матерью	-	0,36
Оценка уважения окружающих	-	0,32
Отношение к детям	0,40	-
Найденный стиль жизни	0,46	-
Чувство идентичности (ISRI)	0,38	-

Далее в целях исследования структурных характеристик родительской идентичности у представителей исследуемой выборки нами были подробно проанализированы взаимосвязи основных параметров идентичности (с помощью корреляционного анализа по Пирсону) у испытуемых-мужчин, имеющих детей.

Характерно, что оба типа родительской идентичности – и воспитательно-ухаживающая, и провайдерская – характеризуются положительной взаимосвязью у испытуемых данной группы. Таким образом, мы не можем говорить о том, что только провайдерской тип родительской идентичности является специфической особенностью идентичности данной группы мужчин; в большей степени такого рода специфика относится к социальному стереотипу обязательств отца перед ребенком, но не описывает глубокие переживания отца при взаимодействии с ним.

В свою очередь, провайдерская родительская идентичность характеризуется положительной взаимосвязью с различными социально-личностными параметрами (табл. 4) и отрицательной взаимосвязью с осмысленностью жизни и количеством детей; такого рода взаимосвязи могут объясняться социальными условиями жизни.

На основании полученных в исследовании данных можно сделать вывод о том, что процессы идентичности, включаясь в структуру идентичности, определяют ее. Так, принятие обязательств (табл. 5) прямо связано с такими параметрами, как глубокий поиск, отцовские установки, чувство реализованности как родителя, важность родительства

Таблица 4

**Взаимосвязь родительской идентичности отцов с различными
социально-личностными параметрами при $p \leq 0,05$**

Параметры	Воспитательно-ухаживающая родительская идентичность	Провайдерская родительская идентичность
Важность родительства в пространстве жизни (ISRI-PI)	-	0,48
Возраст	0,57	-
Возраст ребенка	0,59	-
Воспитательно-ухаживающая родительская идентичность	-	0,35
Идентификация с обязательствами (DIDS)	0,31	0,37
Количество детей	-	-0,32
<i>Локус контроля – жизнь (СЖО)</i>	0,30	
<i>Локус контроля – Я (СЖО)</i>	0,37	-0,33
Найденное место в жизни (ISRI)	0,62	-
Найденный способ общения с детьми (ISRI-PI)	0,45	0,45
Найденный стиль жизни (ISRI)	0,69	0,40
Найденный стиль родительства (ISRI-PI)	0,33	-
<i>Осмысленность жизни (СЖО)</i>	0,37	-0,31
Отношения с матерью	0,65	-
Оценка уважения окружающих (ISRI)	0,45	0,37
Оценка уважения окружающих как родителя (ISRI-PI)	-	0,40
Поиск вширь (DIDS)	-	0,47
Принятие обязательств (DIDS)	0,42	-
Провайдерская родительская идентичность	0,35	-
<i>Процесс жизни (СЖО)</i>	0,40	-
Удовлетворенность отношениями с ребенком	0,44	0,32
<i>Цели в жизни (СЖО)</i>	0,46	-
Чувство взрослости (ISRI)	0,52	-
Чувство зрелости (ISRI)	0,52	-
Чувство идентичности (ISRI)	0,66	0,34
Чувство реализованности как родителя (ISRI-PI)	0,38	0,41
Чувство родительской идентичности (ISRI-PI)	0,39	0,43
Чувство состоятельности как родителя (ISRI-PI)	0,44	0,36

в пространстве жизни, желание детей в будущем, чувство родительской идентичности, найденный стиль родительства, навязчивый поиск, оценка уважения окружающих как родителя. Принятие обязательств отрицательно связано с такими параметрами, как количество детей, процесс жизни, воспитательно-ухаживающая родительская идентичность, пересмотр обязательств, осмысленность жизни, локус контроля – Я, возраст ребенка, возраст, локус контроля – жизнь.

Таблица 5

Взаимосвязь процесса принятия обязательств с различными социально-личностными параметрами у испытуемых-мужчин, имеющих детей при $p \leq 0,05$

Параметры	Принятие обязательств (U-MICS- PI)
Глубокий поиск (U-MICS-PI)	0,74
Отцовские установки (ШОУ)	0,40
Чувство реализованности как родителя (ISRI-PI)	0,36
Важность родительства в пространстве жизни (ISRI-PI)	0,35
Желание детей в будущем	0,34
Чувство родительской идентичности (ISRI-PI)	0,34
Найденный стиль родительства (ISRI-PI)	0,32
Навязчивый поиск (DIDS)	0,32
Оценка уважения окружающих как родителя (ISRI-PI)	0,31
Количество детей	-0,30
<i>Процесс жизни (СЖО)</i>	-0,33
Воспитательно-ухаживающая родительская идентичность	-0,34
Пересмотр обязательств (U-MICS-PI)	-0,37
<i>Осмысленность жизни (СЖО)</i>	-0,39
<i>Локус контроля – Я (СЖО)</i>	-0,40
Возраст ребенка	-0,48
Возраст	-0,53
<i>Локус контроля – жизнь (СЖО)</i>	-0,56

Параметр «глубокий поиск» (DIDS) взаимосвязан со шкалами СЖО «Результативность жизни», «Цели в жизни», а также с отношениями с матерью и отцовскими установками (табл. 6).

Таблица 6

Взаимосвязь процессов поиска с различными социально-личностными параметрами у испытуемых-мужчин, имеющих детей

Взаимосвязанные параметры		Коэффициент корреляции при $p \leq 0,05$
Глубокий поиск (DIDS)	Чувство взрослости (ISRI)	-0,59
	<i>Результативность жизни (СЖО)</i>	0,43
	<i>Цели в жизни (СЖО)</i>	0,35
	Отношения с матерью	0,34
	Отцовские установки (ШОУ)	0,31
Навязчивый поиск (DIDS)	Отношения с матерью	0,33
	Отцовские установки (ШОУ)	0,48
Поиск вширь (DIDS)	Оценка уважения окружающих как родителя (ISRI-PI)	0,78
	Отцовские установки (ШОУ)	0,74
	Найденный стиль родительства (ISRI-PI)	0,72
	Чувство родительской идентичности (ISRI-PI)	0,71
	Найденный способ общения с детьми (ISRI-PI)	0,69

Взаимосвязанные параметры		Коэффициент корреляции при $p \leq 0,05$
	Важность родительства в пространстве жизни (ISRI-PI)	0,67
	Чувство состоятельности как родителя (ISRI-PI)	0,60
	Чувство реализованности как родителя (ISRI-PI)	0,53
	Провайдерская родительская идентичность	0,47
	Удовлетворенность отношениями с ребенком	0,45
	Оценка уважения окружающих (ISRI)	0,37
	Отношения с матерью	0,36
	Найденное место в жизни (ISRI)	0,35
	Чувство идентичности (ISRI)	0,31

Параметр «навязчивый поиск» также взаимосвязан с отношениями с матерью и отцовскими установками. Данный фактор обнаруживает наименьшее количество взаимосвязей с изучаемыми социально-личностными характеристиками и, вероятно, чаще используется в качестве стратегии поведения в проблемных ситуациях.

Направленность на поиск «вширь» взаимосвязана с такими параметрами, как оценка уважения окружающих как родителя, отцовские установки, найденный стиль родительства, чувство родительской идентичности, найденный способ общения с детьми, важность родительства в пространстве жизни, чувство состоятельности как родителя, чувство реализованности как родителя, провайдерская родительская идентичность, удовлетворенность отношениями с ребенком, оценка уважения окружающих, отношения с матерью, найденное место в жизни, чувство идентичности.

Обсуждение результатов

В современном обществе прослеживается тенденция к пересмотру сложившихся устоев и традиций, что приводит к уменьшению социального контроля и большей свободе личности по отношению к различным сферам человеческой жизнедеятельности, например, к таким, как семья [2]. Возникающая в таких условиях определенная размытость общественных требований к функциям жены и мужа, отца и матери усиливает значение поиска родительской идентичности, как для женщин, так и для мужчин. Результаты проведенного нами исследования указывают на различия по основным характеристикам идентичности между мужчинами, не имеющими детей, и мужчинами-отцами. Процессы идентичности личности, такие, как процессы принятия и идентификации с обязательствами и процессы поиска, взаимосвязаны с параметрами родительской идентичности. Эти данные соотносятся с работами зарубежных коллег. Так, К. Пиотровски связывает особенности родительской идентичности с различными личностными характеристиками и в последнюю очередь — с субъективным качеством жизни личности [21]. Далее, принятие обязательств, идентификация с обязательствами, так же, как и процесс глубокого поиска, как в личной, так и в родительской идентичности, более выражены у мужчин-отцов по сравнению с мужчинами без детей того же возраста. То есть уровень представленности достигнутой идентичности в обеих сферах идентичности — и в личной, и в родительской — выше у мужчин-отцов, нежели у мужчин того же возраста, не имеющих детей [30].

Однако следует упомянуть о некоторых ограничениях данного исследования. Во-первых, результаты основываются на самоотчетах испытуемых. В дальнейших исследованиях в перечень анализируемых показателей необходимо включить также оценки партнерш/супруг и данные независимого наблюдения, что позволит устранить влияние социальной желательности. Во-вторых, в выборку не были включены приемные семьи, семьи с одним родителем. В-третьих, нами не были учтены индивидуально-психологические и социальные особенности испытуемых, согласившихся принять участие в исследовании, что ограничивает репрезентативность выборки [30]. И наконец, в исследовании не были учтены другие существенные факторы становления родительства у мужчин (помимо активности самой личности): фактор супружеских отношений [23]; страхи и проблемы, вызываемые беременностью и прогнозируемыми трудностями воспитания ребенка [4], особенности ожиданий матери [18], специфика выстраивания отношений с ребенком в связи с его особенностями [28], индивидуально-личностные особенности мужчин-отцов [22; 24]. Несмотря на эти ограничения, данное исследование способствует развитию понимания динамики и механизмов становления родительской идентичности у мужчин — проблемы, которой, с нашей точки зрения, уделяется недостаточное внимание.

Заключение

Результаты нашего исследования показали, что родительская идентичность мужчины формируется еще до рождения ребенка и до взаимодействия с ним и характеризуется тесной взаимосвязью со множеством параметров личностной идентичности, включая такие важные процессы идентичности, как принятие обязательств, идентификация с обязательствами и все процессы поиска идентичности.

В процессе обретения идентичности человек осознает собственные возможности и определяет возможные стратегии родительства, принимая ответственность за свой выбор. Происходит значительная трансформация многих параметров родительской идентичности на протяжении жизненного пути личности, которая определяет изменение модальностей таких процессов, как глубокий поиск, поиск вширь, принятие обязательств, идентификация с обязательствами.

Мужчины в период ранней взрослости находятся на первичной стадии поиска, когда происходит поиск вариантов поведения, траекторий развития, направлений, поиск своего места в новой системе координат (в данном случае в родительстве). Поэтому в ситуации неопределенности альтернатив также затруднительным является принятие молодым человеком на себя тех или иных обязательств. Таким образом, молодые люди оказываются в состоянии моратория, оставляя для себя время для принятия решений и выбора возможных вариантов поведения и форм отношений до появления в их жизни женщины, могущей стать матерью будущего ребенка.

После рождения ребенка жизненные планы и цели, перспективы любых жизненных изменений оказываются связанными с наличием и возрастом ребенка. При этом процесс глубокого поиска не прекращается. Этот поиск может приводить как к идентификации с обязательствами, так и к новому поиску культурных образов (поиску «вширь») для пересмотра обязательства. Такая осмысленность поиска и принятия обязательств характерна для выбора конструктивной стратегии отцовства.

В случае нехватки ресурсов для завершения поиска вширь и глубокого поиска происходит отказ от принятия обязательств и поиска идентичности на длительное время. Такая

диффузная родительская идентичность, когда нет полноценного, дающего возможность выбора поиска может приводить к реализации неконструктивной стратегии отцовства, сожалениям о рождении ребенка [22], отказу от взаимодействия с ним. Если, как мы уже говорили, основной характеристикой конструктивной стратегии отцовства является ее открытость в системе взаимоотношений семьи и социума, то можно предположить, что при изменении внутренних и внешних обстоятельств субъекта может быть достигнута полноценная родительская идентичность, позволяющая обеспечить субъективное благополучие и качество жизни не только ребенка, но и отца.

Дальнейшим этапом исследований является проведение лонгитюдных исследований и расширение выборочной совокупности за счет привлечения к участию в эмпирических исследованиях матерей, отцов детей с ОВЗ, отцов приемных детей, а также родителей из замещающих семей.

Литература

1. Борисенко Ю.В. Адаптация методики Identity Stage Resolution Index (ISRI) на русский язык // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Том 22. № 3. С. 735–743. DOI:10.21603/2078-8975-2020-22-3-735-743
2. Борисенко Ю.В. Адаптация методики the Utrecht-management of identity commitments scale-parental identity (U-MICS-PI) для исследования процессов родительской идентичности // Психология. Психофизиология. 2021. Том 14. № 2. С. 17–26. DOI:10.14529/jpps210202
3. Борисенко Ю.В. Апробация и адаптация методики исследования процессов идентичности “Dimensions Of Identity Development Scale (DIDS)” // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2020. № 3(42). С. 33–41.
4. Одицова О.Ю., Крюкова Т.Л. Ожидание ребенка в изменяющемся социальном контексте: страх беременности и родов у мужчин и женщин // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2020. № 3. С. 507–515.
5. Солдатова Е.Л., Шляпникова И.А. Связь эго-идентичности и личностной зрелости // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». 2015. Том 8. № 1. С. 29–33.
6. Berzonsky M.D., Cieciuch J., Duriez B., et al. The how and what of identity formation: Associations between identity styles and value orientations // Personality and Individual Differences. 2011. Vol. 50. P. 295–299.
7. Bogaerts A., Luyckx K., Bastiaens T., Kaufman E., Claes L. Identity Impairment as a Central Dimension in Personality Pathology // Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment. 2021. Vol. 43. P. 33–42. DOI:10.1007/s10862-020-09804-9
8. Cote J.E. Identity Stage Resolution Index (ISRI) An empirical test of the identity capital model // Journal of Adolescence. 1997. Vol. 20. P. 421–437.
9. Côté J.E. The identity capital model: A handbook of theory, methods, and findings. London: Department of Sociology, The University of Western Ontario, 2016. 80 p.
10. Crocetti E., Rubini M., Meeus W. Capturing the dynamics of identity formation in various ethnic groups: Development and validation of a three-dimensional model // Journal of Adolescence. 2008. Vol. 31. P. 207–222.
11. Debast I., Rossi G., Van Alphen S.P., et al. Age neutrality of categorically and dimensionally measured DSM-5 section II personality disorder symptoms // Journal of Personality Assessment. 2015. Vol. 97. P. 321–329. DOI:10.1080/00223891.2015.1021814
12. Erikson E.H. Identity, youth and crisis. New York: Norton, 1968.
13. Fadjukoff P., Pulkinen L., Lyyra A-L. & Kokko K. Parental identity and its relation to parenting and psychological functioning in middle age // Parenting: Science and Practice. 2016. Vol. 16. P. 87–107.
14. Galanaki E., Leontopoulou S. Criteria for the transition to adulthood, developmental features of emerging adulthood, and views of the future among greek studying youth // Europe’s Journal of Psychology. 2017. Vol. 13(3). P. 417–440. DOI:10.5964/ejop.v13i3.1327
15. Kroger J. Identity in childhood and adolescence // International Encyclopedia of the Social and Behavior Sciences. 2015. Vol. 11. P. 537–542. DOI:10.1016/B978-0-08-097086-8.34015-6

16. Luyckx K., Schwartz S.J., Berzonsky M.D., et al. Capturing ruminative exploration: Extending the four-dimensional model of identity formation in late adolescence // *Journal of Research in Personality*. 2008. Vol. 42. P. 58–82.
17. Marcia J.E. Identity and psychosocial development in adulthood // *Identity: An International Journal of Theory and Research*. 2002. Vol. 2, pp. 7–28.
18. Maurer T.W., Pleck J.H., Rane T.R. Parental identity and reflected appraisals: Measurement and gender dynamics // *Journal of Marriage and the Family*. 2001. Vol. 63. P. 309–321.
19. Peters J.R., Eisenlohr-Moul T.A., Upton B.T., et al. Characteristics of repetitive thought associated with borderline personality features: A multimodal investigation of ruminative content and style // *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment*. 2017. Vol. 39. P. 456–466. DOI:10.1007/s10862-017-9594-x
20. Piotrowski K. Adaptation of the Utrecht-Management of Identity Commitments Scale (U-MICS) to the measurement of the parental identity domain // *Scandinavian Journal of Psychology*. 2018. Vol. 59. P. 157–166. DOI:10.1111/sjop.12416
21. Piotrowski K. Parental identity status in emerging and early adulthood, personality, and well-being: A cluster analytic approach // *Scandinavian Journal of Psychology*. 2021. Vol. 62(163). DOI:10.1111/sjop.12779
22. Piotrowski K. How many parents regret having children and how it is linked to their personality and health: Two studies with national samples in Poland // *PLoS ONE*. 2021. Vol. 16. P. 1–25. DOI:10.1371/journal.pone.0254163
23. Piotrowski K. Domain-specific correlates of parental and romantic identity processes // *European Journal of Developmental Psychology*. 2021. DOI:10.1080/17405629.2021.1949979
24. Piotrowski K., Bojanowska A., Nowicka A., et al. Perfectionism and community-identity integration: The mediating role of shame, guilt and self-esteem // *Current Psychology*. 2023. Vol. 42. P. 1308–1316. DOI:10.1007/s12144-021-01499-9
25. Schwartz S., Luyckx K., Crocetti E. What have we learned since Schwartz (2001)? A reappraisal of the field of identity development. In K. McLean, & M. Syed (Eds.). *The Oxford handbook of identity development*. Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 539–561.
26. van Doeselaar L., Becht A.I., Klimstra T.A., et al. A review and integration of three key components of identity development: Distinctiveness, coherence, and continuity // *European Psychologist*. 2018. Vol. 23. P. 278–288.
27. Verschueren M., Luyckx K., Kaufman E.A., et al. Identity processes and statuses in patients with and without eating disorders // *European Eating Disorders Review*. 2017. Vol. 25. P. 26–35.
28. Vrolijk P., Van Lissa C., Branje S., et al. Parent-child personality similarity and differential autonomy support toward siblings // *Journal of Family Psychology*. 2022. Vol. 36(6). P. 839–850. DOI:10.1037/fam0000955
29. Waterman A.S., Schwartz S.J., Goldbacher E. et al. Predicting the subjective experience of intrinsic motivation: The roles of self-determination, the balance of challenges and skills, and self-realization values // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2003. Vol. 29. P. 1447–1458.
30. Yaremchuk H.E., Persky S. Recruiting Fathers for Parenting Research: An Evaluation of Eight Recruitment Methods and an Exploration of Fathers' Motivations for Participation // *Parenting*. 2022. P. 1–33. DOI:10.1080/15295192.2022.2036940

References

1. Borisenko J.V. Adaptacija metodiki Identity Stage Resolution Index (ISRI) na russkij jazyk [Adaptation of Identity Stage Resolution Index (ISRI) into Russian]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kemerovo state university*, 2020. Vol. 22, no. 3, pp. 735–743. DOI:10.21603/2078-8975-2020-22-3-735-743 (In Russ.).
2. Borisenko J.V. Adaptacija metodiki the Utrecht-management of identity commitments scale-parental identity (U-MICS-PI) dlja issledovanija processov roditel'skoj identichnosti [Adaptation of Utrecht-management of identity commitments scale-parental identity (U-MICS-PI) for the parental identity studies]. *Psihologija. Psihofiziologija = Psychology. Psychophysiology*, 2021. Vol. 14, no. 3, pp. 17–26. DOI:10.14529/jpps210202 (In Russ.).

3. Borisenko J.V. Aprobacija i adaptacija metodiki issledovanjaja processov identichnosti “Dimensions Of Identity Development Scale (DIDS)” [Approbation and adaptation “Dimensions Of Identity Development Scale (DIDS)”]. *Vektor nauki Tol’jattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pedagogika, psihologija=Vector of science TGU Pedagogy, psychology series*, 2020. Vol. 3(42), pp. 33–41. (In Russ.).
4. Odincova O.J., Krjukova T.L. Ozhidanie rebenka v izmenjajushhemsja social’nom kontekste: strah beremennosti i rodov u muzhchin i zhenshhin [Expecting a child in a changing social context: fear of pregnancy and childbirth in men and women]. *Gercenovskie chtenija: psihologicheskie issledovanija v obrazovanii= Herzen readings: psychological studies in education*, 2020. Vol. 3, pp. 507–515. (In Russ.).
5. Soldatova E.L. Shljapnikova I.A. Svjaz’ jego-identichnosti i lichnostnoj zrelosti [Correlation between ego-identity and personal maturity]. *Vestnik JuUrGU. Serija «Psihologija»= Bulletin of South Ural state university: psychology series*, 2015. Vol. 8, Issue 1, pp. 29–33. (In Russ.).
6. Berzonsky M.D. Cieciuch J., Duriez B., et al. The how and what of identity formation: Associations between identity styles and value orientations. *Personality and Individual Differences*, 2011. Vol. 50, pp. 295–299.
7. Bogaerts A., Luyckx K., Bastiaens T., Kaufman E., Claes L. Identity Impairment as a Central Dimension in Personality Pathology. *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment*, 2021. Vol. 43. P. 33–42. DOI:10.1007/s10862-020-09804-9
8. Cote J.E. Identity Stage Resolution Index (ISRI) An empirical test of the identity capital model. *Journal of Adolescence*, 1997. Vol. 20, pp. 421–437.
9. Côté J.E. The identity capital model: A handbook of theory, methods, and findings. London: Department of Sociology, The University of Western Ontario, 2016. 80 p.
10. Crocetti E., Rubini M., Meeus W. Capturing the dynamics of identity formation in various ethnic groups: Development and validation of a three-dimensional model. *Journal of Adolescence*, 2008. Vol. 31, p. 207–222.
11. Debast I., Rossi G., Van Alphen S.P., et al. Age neutrality of categorically and dimensionally measured DSM-5 section II personality disorder symptoms. *Journal of Personality Assessment*, 2015. Vol. 97, pp. 321–329. DOI:10.1080/00223891.2015.1021814
12. Erikson E.H. Identity, youth and crisis. New York: Norton, 1968.
13. Fadjukoff P., Pulkinnen L., Lyyra A-L. & Kokko K. Parental identity and its relation to parenting and psychological functioning in middle age. *Parenting: Science and Practice*, 2016. Vol. 16, pp. 87–107.
14. Galanaki E., & Leontopoulou S. Criteria for the transition to adulthood, developmental features of emerging adulthood, and views of the future among greek studying youth. *Europe’s Journal of Psychology*, 2017. Vol. 13(3), pp. 417–440. DOI:10.5964/ejop.v13i3.1327
15. Kroger J. Identity in childhood and adolescence. *International Encyclopedia of the Social and Behavior Sciences*, 2015. Vol. 11, pp. 537–542. DOI:10.1016/B978-0-08-097086-8.34015-6
16. Luyckx K., Schwartz S.J., Berzonsky M.D., et al. Capturing ruminative exploration: Extending the four-dimensional model of identity formation in late adolescence. *Journal of Research in Personality*, 2008. Vol. 42, pp. 58–82.
17. Marcia J.E. Identity and psychosocial development in adulthood. *Identity: An International Journal of Theory and Research*, 2002. Vol. 2, pp. 7–28.
18. Maurer T.W., Pleck J.H., Rane T.R. Parental identity and reflected appraisals: Measurement and gender dynamics. *Journal of Marriage and the Family*, 2001. Vol. 63, pp. 309–321.
19. Peters J.R., Eisenlohr-Moul T.A., Upton B.T., et al. Characteristics of repetitive thought associated with borderline personality features: A multimodal investigation of ruminative content and style. *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment*, 2017. Vol. 39, pp. 456–466. DOI:10.1007/s10862-017-9594-x
20. Piotrowski K. Adaptation of the Utrecht-Management of Identity Commitments Scale (U-MICS) to the measurement of the parental identity domain. *Scandinavian Journal of Psychology*, 2018. Vol. 59, pp. 157–166. DOI:10.1111/sjop.12416
21. Piotrowski K. Parental identity status in emerging and early adulthood, personality, and well-being: A cluster analytic approach. *Scandinavian Journal of Psychology*, 2021. Vol. 62(163). DOI:10.1111/sjop.12779
22. Piotrowski K. How many parents regret having children and how it is linked to their personality and health: Two studies with national samples in Poland. *PLoS ONE*, 2021. Vol. 16, pp. 1–25. DOI:10.1371/journal.pone.0254163

23. Piotrowski K. Domain-specific correlates of parental and romantic identity processes. *European Journal of Developmental Psychology*, 2021. DOI:10.1080/17405629.2021.1949979
24. Piotrowski K., Bojanowska A., Nowicka A., et al. Perfectionism and community-identity integration: The mediating role of shame, guilt and self-esteem. *Current Psychology*. 2023. Vol. 42. P. 1308–1316. DOI:10.1007/s12144-021-01499-9
25. Schwartz S., Luyckx K., Crocetti E. What have we learned since Schwartz (2001)? A reappraisal of the field of identity development. In K. McLean, & M. Syed (Eds.). *The Oxford handbook of identity development*. Oxford: Oxford University Press, 2015. Pp. 539–561.
26. van Doeselaar L., Becht A.I., Klimstra T.A., et al. A review and integration of three key components of identity development: Distinctiveness, coherence, and continuity. *European Psychologist*, 2018. Vol. 23, pp. 278–288.
27. Verschuere M., Luyckx K., Kaufman E.A., et al. Identity processes and statuses in patients with and without eating disorders. *European Eating Disorders Review*, 2017. Vol. 25, pp. 26–35.
28. Vrolijk P., Van Lissa C., Branje S., et al. Parent-child personality similarity and differential autonomy support toward siblings. *Journal of Family Psychology*. 2022. Vol. 36(6). P. 839–850. DOI:10.1037/fam0000955
29. Waterman A.S., Schwartz S.J., Goldbacher E., et al. Predicting the subjective experience of intrinsic motivation: The roles of self-determination, the balance of challenges and skills, and self-realization values. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2003. Vol. 29, pp. 1447–1458.
30. Yaremych H.E., Persky S. Recruiting Fathers for Parenting Research: An Evaluation of Eight Recruitment Methods and an Exploration of Fathers' Motivations for Participation. *Parenting*, 2022. P. 1–33. DOI:10.1080/15295192.2022.2036940

Информация об авторах

Борисенко Юлия Вячеславовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры акмеологии и психологии развития, Кемеровский государственный университет (ФГБОУ ВО «КемГУ»), г. Кемерово, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5218-2841>, e-mail: evseenkova@mail.ru

Information about the authors

Julia V. Borisenko, Ph.D., Associate Professor, Department of Acmeology and Developmental Psychology, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5218-2841>, e-mail: evseenkova@mail.ru

Получена 24.09.2021

Received 24.09.2021

Принята в печать 01.03.2023

Accepted 01.03.2023